

Российских ученых, за редким исключением (Э. Поздняков, В. Барановский, Н. Косолапов и некоторые другие), не волнует проблема понятийного аппарата теории международных отношений. Они спокойно могут писать о глобализации или интеграции, хотя на самом деле описывают проблемы интернационализации; говорить о силе государства, хотя описывают мощь государства; формулировать концепции национальной безопасности, фактически же излагают проблемы внутренней политики. Мировые отношения для них идентичны международным отношениям и т.д. Такой подход является отражением специфики российского устроения, отвергающего рациональность и демонстрирующего иррациональность, с помощью которой, как они сами себя убеждают, они «глубже» схватывают суть явлений. Я, естественно, в соответствующей главе покажу это на примерах, а пока рассмотрим американские варианты исследования проблемы.

Большинство американских международников и политологов также не склонно «теоретизировать». Это дает повод авторам монографии «Американская национальная безопасность» констатировать: «Хроническим источником президентских трудностей с Конгрессом, а иногда со всей нацией является тенденция использовать концепцию национальной безопасности в сверхшироком смысле, прибегая к ней как к мантии, которая покрывает противоречивые действия». И все же следует признать, что над понятийным аппаратом американцы размышляют со времен окончания второй мировой войны и по многим аспектам они добились впечатляющих результатов. Тем не менее, эта проблема сохраняется и по сей день. Ее актуальность Кэн Бут демонстрирует следующим образом. Многие, пишет он, употребляют слова «мир» в смысле «отсутствия мировой войны». И это, несмотря на то, что после второй мировой войны было уничтожено 20 млн. человек. Используется термин «третий мир» как развивающийся мир. В то же время верхние слои этого «мира» по уровню своего благосостояния ничем не отличаются от богатого населения «первого мира». Употребляется термин «сила» (power) как синоним военной силы, хотя эти понятия не совпадают. Бут делает вывод: «Если эти и другие ключевые слова в науке о международных отношениях не будут как следует называть явления, как же можно их концептуализировать с пользой для будущего?»

Проблемы возникают и в соотношениях между науками. Как известно, в западной науке предмет «международные отношения» изучается как ответвление политологии. Бут же полагает, что «совершенно очевидно, что политология может серьезно изучаться только как ответвление политики в глобальном масштабе. Мировая

политика является домом политической науки, а не наоборот. Кант был прав: политическая теория должна быть международной теорией».

Вот еще одно любопытное рассуждение Бута: «Цель международной политической теории, таким образом, может быть рассмотрена как соединение марксовской “науки” с “наукой” Моргентау в искусство утопического реализма; проблемой международной политической науки должна быть попытка объединить мир через его изменение».

Хотя из этой фразы не понятно, что имеет в виду Бут под «наукой» Маркса и «наукой» Моргентау, но термин «утопический реализм» мне сразу напомнил высказывание киборга Дэйты, одного из ярких героев сериала «Звездный путь», который как-то резонно заметил: невозможно ожидать не ожидаемого (to expect unexpected is impossible).

В значительной, если не определяющей степени, волна теоретических изысканий была вызвана окончанием холодной войны, разрушившей не только Берлинскую стену, но и устоявшиеся штампы и стереотипы в теории международных отношений. Грубо говоря, раньше было два мощных направления в теории: одно сугубо идеологизированное (школа политического идеализма), объясняющая все перипетии международной жизни борьбой между «коммунизмом» и «капитализмом» (кстати сказать, доминирующей в СССР), другое – геостратегическое, опирающееся на концепцию силы (школа политического реализма).

Ныне, когда идеология, по мнению американских теоретиков, перестала играть доминирующую роль, а сила стала наполняться иным содержанием, стройные предыдущие конструкции рассыпались. Что появилось взамен? И тут-то начинаются споры, которые в большинстве случаев ведутся по следующим проблематикам: какова нынешняя структура международных отношений: биполярность, однополярность, многополярность; каково содержание понятия силы в современных условиях; какова роль государства в эпоху «глобализации»; что такое «национальная безопасность»: искусственная абстракция или нечто объективно-реальное.

Все эти темы так или иначе будут затрагиваться на протяжении всей книги. Но для затравки хочу представить взгляды довольно известных авторов учебника по Национальной безопасности США - А. Джордана, У. Тэйлера, М. Мазара (последний - главный редактор журнала «Вашингтон кварталерли». Об их популярности

свидетельствует уже то, что вышло пятое издание их труда, который изучается студентами военизированных колледжей и университетов.

Названные авторы (далее я их всех троих буду обозначать через аббревиатуру ДТМ) полагают, что на смену холодной войне пришел не просто мир, а “горячий мир”. Проблема в том, как описать этот мир. В отличие от приверженцев концепции «однополярной гегемонии» США (например, активно отстаиваемой Чарльзом Краутхаммером) ДТМ считают, что на самом деле возникла «комплексная многополярность» международной системы.

Кстати, они напоминают, откуда выросли ноги у концепции «однополярности». Дело в том, что в 1992 г. в Пентагоне была подготовлена «бумага», нехстати, просочившаяся на свет божий, из которой все узнали об установке на «предотвращение в будущем любого потенциального глобального соперника». Причем, речь не шла об ослабленной России, а скорее была адресована в адрес союзников США. К тому же она была сформулирована в жестких выражениях: американская оборона должна быть настолько сильной, чтобы потенциальные соперники из Западной Европы или Азии даже думать не могли о «крупной региональной или глобальной роли».

Авторы напоминают, что в отличие от оголтелых «однополярников» есть еще сторонники «сверхдержавной многополярности» (superpower multipolarity), которые выступают за единоличную гегемонию США при «разрешении» другим державам типа Германии и Японии формировать многополярный фон. Сами же они, как уже говорилось, отстаивают «комплексную многополярность» (complex multipolarity), отрицающую гегемонистский статус США по ряду причин. Одна из них заключается в том, что фокус национальной стратегии США сдвинулся с глобального на региональный уровень. Подтекст таков: на глобальном уровне отсутствует другая глобальная держава, а значит и не с кем вести глобальную борьбу. На региональном же уровне в структурном плане нет однозначности. В Африке структура отношений формируется на основе баланса сил, в некоторых местах – она определяется биполярностью, в других - многополярностью. Иначе говоря, ни одна из «силовых моделей» не является универсальной и не объясняет реальность.

Другой момент, определяющий «многополярность», связан с тем, что некоторые мощные региональные державы могут самостоятельно обеспечивать свою выживаемость и независимость без помощи союзников. Аргумент на первый взгляд довольно странный, но авторы имеют в виду, что в мире отсутствует враждебная

держава, способная поставить под угрозу «выживаемость и независимость», скажем, Германии, Англии или Японии.

Но главная причина «многополярности» в другом. И это другое – проблема диффузии ключевого термина всех концепций «полярности» – силы. «Диффузия некоторых элементов силы (power), в частности экономической силы и ее эффекта в международной системе, отвергает однополярную концепцию².

В связи с силой хочу обратить внимание на следующий очень важный момент. Сила (power) – это ключевая категория теории международных отношений, вокруг которой не одно поколение теоретиков ведут дискуссию, так до сих пор не определив, что же это такое. Это признают и сами авторы, добавляя, правда, что при этом отсутствует и методика вычисления силы. Что вполне естественно: если нет определения, значит и нечего подсчитывать. Поскольку сила очень важная категория, дадим авторам высказаться на этот счет подробнее.

Загадка силы, считают ДТМ, заключается в том, что «сила есть динамика». Они пишут «В наипростейшем варианте (сила) – это способность заставить других делать нечто, что они не сделали бы по собственной воле³». Способность заставить, поясняют авторы, не обязательно означает только «физическое насилие над противником», хотя это является важным аргументом силы. К таким способностям они относят «переговорные способности», а также убеждения, основанные на общих интересах и ценностях. Такая формулировка силы им показалась достаточной, чтобы перейти к ее оценке.

«Сила, – пишут они, – может рассматриваться и оцениваться различными способами. Поскольку она базируется на способностях (capabilities), сила имеет определенные объективные характеристики. Но она также имеет весьма высокий элемент субъективности (курс. авторов), т.к. слава ее обладания и намерение ее использовать, являются достаточными, чтобы достичь результатов во многих случаях без реального обращения к ней. Гоббс правильно писал: “Люди вспоминают о силе только тогда, пока они ее почувствуют”».

Здесь авторы впадают в элементарное логическое противоречие. Сила, если это категория объективная, не может иметь «высокий элемент субъективности², поскольку субъективна может быть оценка силы, а не сама сила. Задача наблюдателя (аналитика) как раз и заключается в том, чтобы его субъективная оценка совпала с содержанием силы (по Гегелю, слияние объекта и субъекта). Множественность

трактовок одного явления говорит только о том, что явление не познано. Попав в логический и философский капкан на этом этапе, они уже не могут выбраться из него в дальнейшем.

Они пишут: «Естественно также, что сила относительна по своим характеристикам, т.к. ее свойства частично зависят от сравнения с тем, что ему противостоит; когда это сравнение очевидно, результирующий подсчет часто называют чистой силой. Далее. Сила есть весьма ситуативная вещь; что может сгенерировать силу в одних обстоятельствах, не может при других. Такие неуловимые вещи, как политическое и техническое мастерство ключевых акторов, национальная воля и солидарность по проблемам, суть проблем, выраженных в вопросах и целях, которых добиваются, т.е. все компоненты силы могут быть использованы государством при определенных ситуациях»(курс. авторов).

Если невозможно объективно оценить силу, как таковую, значит невозможно оценить и противостоящую силу, и никакое сравнение здесь не поможет, поскольку в этом случае происходит сравнение двух неопределенных величин. Авторы, однако, оптимисты.

«Если сила динамична, субъективна, относительна и ситуативна, а также объективна по сути, можно ли ее определить в принципе? Несмотря на предостережения и трудности, ответ – “да”. В частности, если мы сфокусируемся на объективных характеристиках (которые, правильнее сказать, являются измерением “strength”[1] и могут или не могут осуществлять влияние, о чем уже говорилось) и квалифицировать их правильно по времени и обстоятельствам, мы сможем по крайней мере сказать несколько полезных вещей о силе». Они действительно кое-что сказали, но совсем не о силе. Они, как и все до них, смешали понятие мощи с категорией силы, к чему я вернусь в соответствующей главе.

Авторы, правда, справедливо раскритиковали представления на категорию силы супругов Гарольда и Маргарет Спраут, поскольку: «они предложили грубое уравнение: сила равна человеческим ресурсам, плюс физическая среда обитания, плюс питание и сырье, плюс инструменты и умение, плюс организация, плюс моральное и политическое поведение, плюс внешние условия и обстоятельства». В том же ключе писал Клиффорд Герман, а Рэй Клейн к количественным характеристикам добавил “национальную волю и стратегические цели. Между прочим, у самих авторов понимание силы очень сильно совпадает с формулировками Клейна.

Далее ДТМ пытаются определить современное состояние национальной силы, которая, естественно, претерпела изменения. «Это связано не только с тем, что она стала более фрагментарной, но в то же время и более взаимозависимой. Фрагментация возникла не только вследствие исчезновения основных биполярных блоков холодной войны, но также и в результате выхода наружу ранее подавляемого этнического и племенного национализма во многих государствах земного шара». Это привело к тому, что национальная сила стала более распыленной и потому усложнился эффект влияния одного государства на другое. «Мягкие» ("soft") формы силы, такие как способность манипулировать взаимозависимостями, становятся более важными, как это делает долгосрочная экономическая сила (strength), которая является базой и мягкой, и твердой (hard) формы силы».

Обращаю внимание на то, что авторы, сами того не подозревая, стали обращаться с терминами power и strength как синонимами. На этом «сгорели» все теоретики, бившиеся над определением категории силы. В результате, заходя то с одной стороны, то с другой к силе, они так и не дали четкого определения данной категории. И повторили известную банальность о том, что «сила и воля ее использовать становится условием успеха, даже выживаемости. В этом суть силовой политики. ...Цель силы заключается в преодолении сопротивления в борьбе, которая явилась ее причиной, или в обеспечении безопасности предпочтительного порядка вещей». Это все равно, что сказать: цель свободно падения заключается в том, чтобы мы все...падали.

Другими словами, авторы, понимая коварство силы, так и не вышли за рамки представлений всех без исключения теоретиков, которые бьются над этой категорией со времен Ганса Моргентау.

Еще более широкий круг теоретиков вовлечен в дискуссии по категории национальная безопасность. Ожесточенным атакам в основном подвергаются неореалисты, представляющие два направления или, как принято говорить, две парадигмы: структурный неореализм и неолиберальный институционализм. Атакующие – ученые-социологи, которым предписывается «инновационное объединение исследований в области социологии и национальной безопасности». Их взгляды изложены в монографии «Культура национальной безопасности: нормы и самоопределение в мировой политике» под редакцией Питера Каценштейна, одного из главных идеологов социологического подхода. Чтобы понять, в чем их претензии к неорелистам, несколько слов о позициях последних.

Один из них – Кенет Уолц, принадлежащий к «структурным реалистам» второй волны (после Г. Моргентау, Дж. Кеннана, А. Вольферса и др.), в международной системе государств выделяет три характеристики: она (система) децентрализована; наиболее важный актер - государство - унитарно и функционально не дифференцировано; различие в распределении возможностей наиболее весомых государств отличает биполярную систему государств от многополярной.

Известного теоретика, можно сказать тоже классика, Роберта Кеохане относят к неолиберальным институционалистам. Он считает, что международная политика после краха гегемонии не обязательно коллапсируется в неконтролируемую силовую политику, которая приведет к анархии. Созданный в период гегемонии международный порядок имеет возможность исправлять проблемы, провоцирующие международную анархию. «Институциональная инфраструктура постгегемонистской системы, – уверяет классик, – в состоянии обеспечить координацию конфликтных политик путем снижения затрат на сотрудничество».

Социологи обвиняют его в том, что теория Кеохане не объясняет категорию интереса, хотя и не отрицает ее как внешний феномен. Категория интересов – главный конёк социологов. В определенной степени это признает и Кеохане: «Без теории интересов, которая требует анализа внутренней политики, никакая теория международных отношений не может быть полностью адекватна (реальности). Слабость наших нынешних теорий увела нас очень далеко от понимания поведения США и европейских держав в конце холодной войны. ...Необходимо осуществить еще немало исследований в области теории государства. Может быть, даже больше, чем на уровне международной системы».

Исследовательская парадигма социологов состоит, по П. Каценштейну, из трех ступеней. «Первый. Существует спецификация группы ограничений. Затем оговаривается группа акторов, которые, предполагается, имеют определенные интересы. Наконец, изучается поведение акторов, и их поведение в условиях ограничений, в рамках которых эти акторы со своими предполагаемыми интересами проявляют себя».

Все это ничего не значащая для непосвященных словесная белиберда, на самом деле означает изложение некоторых элементов теории бихевиоризма, которая обращена на анализ проблем безопасности. Социологи утверждают, что только на этой основе можно уловить такие важные вещи как «престиж и репутацию», которые

неореалисты рассматривают «скорее как эффект силы (force), чем социальных атрибутов» (там же). В этой связи они вспоминают известного политэконома Роберта Гилпина. Каценштейн пишет, что хотя Гилпин, будучи реалистом, признает социологические подходы, однако все время скатывается к экономическим объяснениям. Для Гилпина «престиж» – «функциональный эквивалент власти во внутренней политике и имеет функциональные и моральные основания». «Он, – иронизирует Каценштейн, – может только утверждать, но не доказать, что <в конечном счете> престиж опирается на военную или экономическую силу (power). Но в то же время (Гилпин) пишет, что <скорее престиж, чем сила (power), является распространенным явлением в международных отношениях>».

Если бы американские теоретики знали русский язык (я лично не встречал ни одного), они бы с удивлением обнаружили, что категория престижа и авторитета как функция ряда переменных была описана советским экономистом-системником А. В. Сергиевым еще в 70-е годы, а мной повторена в одной из книг, опубликованной в 1986 г.[2] Точно также выглядят наивными новации американских социологов в том, что государство они рассматривают как «социальный организм», а его самоопределение (идентичность) и нормы влияют на национальные интересы. – Темы, широко обсуждавшиеся в советской политологии 70-х - 80-х годов[3].

Как бы то ни было, социологический подход к проблеме национальной безопасности путем анализа категории национальных интересов государства как социального организма получает широкое распространение, свидетельством чему служит и монография группы английских социологов. Практические же творцы американской политики безопасности пока предпочитают опираться на подходы неореалистов, в том числе уже упоминавшихся Джордана, Тэйлера и Мазара (ДТМ).

Суть их подхода не очень сложный и он заключается в следующем. ДТМ, признавая эластичность слова национальная безопасность, все-таки различают объем его содержания до и после второй мировой войны. Сам термин в узком смысле имеет значение «обороны». Но до второй мировой войны политика национальной безопасности как бы только соприкасалась с внешней политикой и политикой в области экономики, торговли и окружающей среды. После второй мировой войны части всех этих трех блоков «наехали» друг на друга, т.е. как бы взаимосвязались или переплелись, образовав некую целостность, хотя другие сегменты блоков остались автономными. (см. Рис 1)

Рис.1

В принципе совмещенные части имеют свое название - комплексная национальная безопасность, которая однажды была сформулирована японцами и играла официальную роль в конце 70-начале 80-х годов[4]. Она состоит из трех компонентов: военной безопасности, экономической безопасности и политической безопасности.

В принципе мало кто спорит с такой постановкой вопроса (хотя все-таки спорят, и об этом – в соответствующем разделе). Более серьезные споры начинаются с темы увязывания национальной и международной безопасности. Речь идет о том, как совместить первое со вторым, т.е. как сделать так, чтобы национальная безопасность, защищающая национальные интересы, не противоречили международной безопасности, призванной удовлетворить интересы международного сообщества. Некоторые полагают, что выходом из этого противоречия может стать коллективная безопасность. Авторы напоминают: «В рамках такого подхода нападение на одного из членов (сообщества) рассматривается как нападение на всех, и потому все рассчитывают, что такая объединенная оппозиция предотвратит нападение со стороны любого потенциального агрессора». На практике же таких прецедентов не было, нет их и сейчас, полагают ДТМ. И посему «коллективная безопасность в ее

универсальном виде не существует, и вряд ли будет существовать при нынешней системе суверенных государств и неравенствах между ними».

С большим доверием авторы относятся к альянсам и коалициям, поскольку такого типа системы строятся на взаимных выгодах. Однако большие надежды авторы возлагают на международное право, к которому, как известно, немало международников относятся весьма скептически. Но авторы полагают, что такой скептический взгляд ошибочен. Они пишут: «Закон существует не только для того, чтобы улучшить распределение справедливости, но также и для того, чтобы сделать жизнь предсказуемой, предоставляя всем, кто живет в рамках закона, свод правил в отношении поведения других в системе». К тому же есть «зрелые законы», а есть «примитивные законы». Понятно, что авторы уповают на «зрелые законы» в международных делах. Проблема только в том, как определить их «зрелость» Историческая практика подсказывает, что определяют степень их зрелости господствующие государства в мире. Как в свое время писал и поныне актуальный К. Маркс, когда встречается два равных права, решает сила. И опять мы скатываемся к этой злополучной силе. И сами авторы косвенно подтверждают правоту марксовской формулировки, когда они пишут о России и Китае.

Для начала констатируются некоторые параметры российского государства: имперская история, обильные ресурсы, мощная индустриальная база, хорошо образованное население и очевидное желание играть значительную роль на мировой арене. Проблема (вставить – же состоит) в следующем: «Каким образом поведет себя Россия во взаимоотношениях со своими соседями и остальным миром, то ли в виде восстановления своей бывшей империи, то ли в благоприятном стратегическом варианте, все это в значительной степени зависит от эффективной способности Запада привлечь Москву на свою сторону. ...Запад не может позволить себе, чтобы такой грандиозный эксперимент завершился коллапсом». – Вполне естественные намерения американцев осчастливить Россию на базе «зрелых законов» демократии и рынка, вне зависимости от того, насколько эти законы соответствуют природе российского государства.

То же самое и с Китаем. Авторы не видят серьезных противоречий между США и КНР, их не очень волнует модернизация военных сил Китая, поскольку они все равно значительно уступают американским; не вызывает излишнего беспокойства на данный момент и отношения Пекина с Тайванем. Но если вдруг повторятся события типа Тяньаньмыньских или обострится военная конфронтация в районе Тайваньского

пролива, тогда ход нынешних позитивных отношений может измениться. Фиксируют авторы и другой очень важный момент. «Не соответствие между китайским экономическим развитием и его отсталой авторитарной политической системой делает будущие двусторонние взаимоотношения в высшей степени проблематичными». То есть, те способы, какими китайское руководство решает свои внутренние проблемы (кстати сказать, Тайваньская проблема для Пекина также считается внутренней), не совпадают со стандартами «зрелых законов» Запада. И для того, чтобы их приблизить к «цивилизационным нормам», авторы предлагают проводить политику «вовлеченности» в отношении Китая, также как и в отношении России. Имеется в виду вовлеченность в Западный мир, в его стандарты, которые, естественно, по представлению западных идеологов, являются универсальными.

Убежденность в универсальность стандартов «зрелых законов» подводила и не раз будет подводить всех ученых, которые вбили себе в голову подобные иллюзии. Некоторые из них, как будет показано ниже, начинают избавляться от таких штампов. И поможет им в этом не только Китай со своей китаизированной спецификой, но и Россия своей практикой, посрамляющая все преимущества капитализма.

И все же следует признать, что часть американских ученых, в том числе и упомянутые в данной главе авторы, всерьез взялась за понятийный аппарат, осознавая, что без выработки такого аппарата все рассуждения о внешней политике или международных отношениях будут означать ни что иное, как болтовню ни о чем. И в этом я вполне солидарен с Рональдо Роговски, который пишет: «Теорию постигает фундаментальная неудача, когда она производит неопределенные понятия, а неопределенные понятия в свою очередь воспроизводят неопределенность для выработки стратегии и способы ее реализации; и поскольку способы остаются неопределенными, то невозможно осуществить убедительную проверку теории. Проблема – в теории. Ее возможно исправить, но трудно понять как». Продолжая его мысль, Майкл Дэш пишет: «Без системных переменных, нет предсказаний. Предсказания, однако, являются центральными в общественных науках не только по теоретическим причинам (нам нужны прогностические теории, чтобы с помощью прогнозов проверять те же теории), но и для политического анализа (теории, которые не делают ясных прогнозов, мало используются политиками)».

Проблема коренится в отсутствии целостной науки о внешней политике и международных отношениях. Существуют отдельные исследовательские направления в изучении тех или иных сегментов мировой политики. Причем каждое из этих

направлений оперирует собственным набором терминов, которые только в редких случаях определены в виде понятий, но фактически никогда на уровне категорий.

Так, геостратегический подход использует термины «биполярность», «многополярность», «центры силы», «национальная безопасность», «национальные интересы», в основе которых лежит сила (но никто так и не определил, какая сила? – Force? Power? Might? Strength?). Геоэкономический подход эксплуатирует термины «интеграция», «глобализация», «интернационализация» и т.д. В свою очередь идеологический или классовый анализ предполагает иной набор терминов: демократия, диктатура, авторитаризм. Своим терминологическим аппаратом обладает геополитика, цивилизационные, системные и другие подходы. При этом надо иметь в виду, что нередко одни и те же термины в различных подходах могут иметь и различное содержание. Например, термины полюс, сила, интеграция и т.д.

Если автор заранее не оговаривает поле своего исследования, то становится не понятным, что он исследует, и что он прогнозирует: всю систему международных отношений или какую-то ее часть. Неопределенность усиливается, когда автор не объясняет содержание термина, которым он пользуется в своем анализе.

И если американские ученые, по крайней мере, многие из них, стремятся к понятийной четкости, то российские научные работники в своей массе обходятся без таких «мелочей».

Из книги: Олег Арин. «Двадцать первый век: мир без России» (Москва: Альянс, 2001).

---

[1] И здесь начинаются проблемы перевода, поскольку авторы не определили категорию *strength*.

[2] Р.Ш-А. Алиев. *Внешняя политика Японии в 70-е – начале 80-х годов (Теория и практика)*. М.: Наука, 1986, с.284-285.

[3] *Международные отношения, политика и личность*. (Ежегодник САПН, 1975). М.: Наука, 1976; *Политические системы современности (Очерки)*. М.: Наука, 1978; *Национальные интересы: теория и практика (Сборник статей)*. М.:ИМЭМО, 1991.

[4] См. Р.Ш-А.Алиев. *Внешняя политика Японии в 70-е – начале 80-х годов*, с.148–164.